

Т. Н. Жуковская

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ «МОЛОДЫХ ДРУЗЕЙ» И СОЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (1802)*

Как известно, кружок «молодых друзей» сложился вокруг великого князя Александра Павловича в 1795–1796 гг., хотя с В. П. Кочубеем и с Н. Н. Новосильцовым, в отдельности, он был знаком еще с 1792 года. В мае 1795 г. Александр познакомился с Адамом Чарторыйским и через него с П. А. Строгановым. Новосильцов приходился Строгановым дальним родственником и считался другом дома. Так сложился не просто кружок сходно мыслящих и доверявших друг другу людей, но, в условиях грозящей всем в суровое павловское время опасности, — настоящая «антиправительственная конспирация». Отличительной особенностью кружка было то, что все его члены были не просто близки в своих представлениях об идеальном государственном устройстве и о необходимости приблизить к нему Россию, но и были связаны искренней дружбой, проверенной временем и испытаниями. А. Чарторыйский писал в мемуарах: «Несколько лет уже мы служили примером тесной, постоянной и непоколебимой дружбы. Девизом нашего союза было — стоять выше всяких личных интересов и не принимать ни отличий, ни наград»¹. В этом отношении «молодые друзья» являлись ближайшим прототипом других конспираторов, декабристов.

В первые годы царствования Александра I роль Негласного комитета состояла не только в том, чтобы корректировать программу реформ, но и в том, чтобы, благодаря личному влиянию друзей, поддерживать в молодом императоре стремление к преобразованиям. Почти все реформы 1801–1803 гг. или родились в этих собраниях «кружка», или на каком-то этапе разработки прошли через обсуждение в них. Чарторыйский на склоне дней писал, нисколько не преувеличивая значение Негласного комитета: «...Надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в России в царствование Александра, которые не зародились бы на этих именно тайных совещаниях»².

Отношения «молодых друзей» были искренней и взаимной привязанностью и в годы павловского царствования, когда скреплялись общими опасностями, и в первые месяцы нового, когда приходилось бороться с враждебными политически-

* Статья написана при поддержке финансирования по тематическому плану НИР СПбГУ («Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» 5.38.98.2012, рук. Р. Ш. Ганелин); «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории российского государства и общества» 5.38.51.2011, рук. А. Ю. Дворниченко).

¹ Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998. С. 184.

² Там же.

ми группировками и амбициями их лидеров. Думается, больше всего испытывал потребность в такой дружбе и свободном общении с людьми, которым можно доверять, сам Александр Павлович. Ф. Ц. Лагарп в ответ на вопрос, заданный ему в 1815 г. А. И. Михайловским-Данилевским о природе отношений в кружке, сказал: «Это происходило от того, что в сердце Александра есть большая склонность к таковым чувствам, но не менее того он управляется всегда рассудком»³. Природа и форма кружка позволяли в свободном режиме обсуждения скорейшим и удобнейшим способом выработать или обсудить тот или иной проект, скорректировать мнения и принять наилучшее решение. Надо признать, что в летописи государственного реформаторства короткая история Негласного комитета, этой «неофициальной» лаборатории реформ оказалась очень продуктивной.

Помимо дружеских бесед, откровенных эмоциональных признаний, разговоров о замене деспотического строя конституционным правлением или даже «республикой без наследственного дворянства» «молодые друзья» уже в 1797–1798 гг. занимаются практическими делами⁴. Во время коронации Павла I в Москве, собираясь у двоюродной сестры Новосильцова, в кружке обсуждали записку, составленную Новосильцовым и содержащую советы наследнику престола⁵. Молодые друзья претендовали на политическое руководство наследником и, прежде всего, стремились отвлечь его от мысли «оставить бремя власти». В ноябре 1797 г. в планы кружка был посвящен Лагарп, после тайной поездки Новосильцова в Англию. Новосильцов доставил ему знаменитое письмо Александра от 27 сентября 1797 г. После эмоциональных характеристик положения, в котором находилось «несчастное Отечество» наследник упоминал о «способе», которым они собираются действовать, и который он назвал «лучшим образцом революции, совершенной законною властью».

Друзья обсуждали постепенные реформы политической системы в направлении конституционной монархии, что подчеркивал автор письма. Однако дарование России конституции мыслилось возможным только в связи с радикальными изменениями в образе мыслей и уровне просвещенности россиян. Те народные «представители», которые смогут заменить самовластного правителя и образовать конституционное собрание еще должны были быть соответствующим образом подготовлены и образованы. Поэтому в «ближайшие планы» кружка входило «перевести на русский язык столько полезных книг, сколько окажется возможным». Эти книги должны были подготовить умы к предстоящим преобразованиям. Н. Н. Новосильцов должен был получить от Лагарпа инструкции, как лучше действовать и рассуждения «о роде того просвещения, которое он считал наиболее удобным для прививки и его дальнейшего распространения и которое бы просветило умы в кратчайший срок. Это важный вопрос, — писал Александр, — и без него невозможно начать работу... Дай только Бог, чтобы мы когда-нибудь могли достигнуть нашей цели даровать России свободу и предохранить ее от поползновений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание, и я охотно посвящаю все труды и всю свою жизнь этой цели, столь дорогой для меня»⁶.

³ Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары: 1814–1815. СПб., 2001. С. 190.

⁴ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 46; Чарторыйский А. Мемуары. С. 91.

⁵ Там же. С. 140–141.

⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов и его время. Т. 1. СПб., 1903. С. 214–217.

Эти признания означают, что Александр-республиканец и абсентист (мечтающий отказаться от бремени верховной власти, несовместимой с его идеалами) превращается в реформатора-практика. Эта просветительская программа нашла воплощение в издательской деятельности уже в сложных условиях царствования Павла I. М. М. Сафонов исследовал историю издания и состав материалов «Санкт-Петербургского журнала», четыре части которого, вышедшие в 1798 г., содержали как переводы европейской политико-философской и правовой литературы, так и сочинения российских авторов. Журнал пропагандировал идеи «фундаментальных законов», просвещенной монархии, просвещенного воспитания, правильно организованного государственного хозяйства, то есть свободы предпринимательства. Распоряжения и образ действий Павла I давали наглядные примеры «деспотизма», который можно было иносказательно обличать, прибегая к переводам европейских экономистов, правоведов, публицистов предреволюционной эпохи. Были переведены и напечатаны в журнале сочинения П. Гольбаха, П. Верри, Г. Филанджиери, отреферированы части трактата Ш. Монтескье «О духе законов»⁷. Обширные просветительские планы «молодых друзей» были разрушены в 1799 г., в связи с открытием первого антипавловского заговора и компрометацией наследника и его окружения в глазах Павла I.

В первые месяцы после воцарения Александра I кружок «молодых друзей» собрался вновь, правда, в изменившихся обстоятельствах. Борьба за влияние на императора, внутренние дискуссии о последовательности действий в крестьянском вопросе, реформе администрации, о своевременности и характере конституционных преобразований — оказались острее, чем виделось вначале. Что касается реформы просвещения, то к обсуждению ее модели приступили уже осенью 1801 г., после коронационных торжеств.

Руководством к действию на этом этапе стала записка Лагарпа Александру I от 16 октября 1801 г., в которой автор предлагал создать специальный «независимый департамент», управляющий делами народного просвещения. Ему следует «придать очень простую организацию, дабы Вам все было ясно в его действиях, он должен получить такие четкие инструкции, чтобы его работа была максимально продуктивной»⁸. Лагарп также писал о необходимости восстановления Дерптского университета и создания университета на польских землях, о важности повсеместного учреждения «нормальных школ» для народа, без которых все высшие этажи школьной системы повиснут в воздухе. Из этих рекомендаций особенно важны идея преемственности уровней школьной системы и необходимость особого министерства по делам школы и просвещения, которое отсутствовало в системе коллегий в XVIII в. и не предполагалось Павлом I в его проектах реформирования высшей администрации.

Круг советников по вопросам просвещения срочно требовалось расширить, ввести в него практиков, способных подготовить проекты реорганизации всех уровней школьной системы и отвечать за их исполнение.

В этот круг вводились самые разные люди. 18 марта 1802 г. был создан Комитет по рассмотрению новых уставов учебных заведений, который должен был согласовать действующие регламенты Академии наук, Московского университета

---

⁷ Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 49–53.

⁸ Опул.: Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Риссординенто. М., 1959. С. 689–696

«с лучшими в сем роде иностранными заведениями». В этот Комитет вошли авторитетные для императора лица: М. Н. Муравьев, преподававший ему некогда русскую историю и русскую словесность, польский просветитель С. О. Потоцкий, члены Академии наук Н. И. Фус и Н. Я. Озерецковский⁹.

8 сентября 1802 г. был подписан манифест об учреждении министерств, в котором было подробно разработано устройство совершенно нового для России Министерства народного просвещения. С этого момента дальнейшая работа по согласованию университетских и школьных уставов, определению основ устройства учебных заведений получила новый организационный статус. В состав министерства вошла новоучрежденная Комиссия об училищах (позже переименованная в Главное правление училищ), по своему составу и назначению бывшая преемницей екатерининской Училищной комиссии. Комиссия должна была завершить выработку законодательства об училищах и наблюдать за его реализацией и развитием системы училищ. Ее широкая компетенция обеспечивалась включением в нее лиц, назначенных попечителями шести учебных кругов, на которые была разделена территория страны. Двое из «молодых друзей», помимо других государственных должностей, стали попечителями учебных округов — Виленского (А. Чарторыйский) и Петербургского (Н. Н. Новосильцов). П. А. Строганову, кроме того, пришлось около двух лет замещать Новосильцова на посту попечителя столичного округа. Министром народного просвещения и председателем Комиссии училищ стал П. В. Завадовский.

В работе Комиссии заочно участвовали «иностранные корреспонденты», или эксперты, способные скорректировать европейскую модель университета применительно к России, такие как геттингенский профессор К. Мейнерс. Большое влияние на молодого императора в эти месяцы имел профессор только что открытого Дерптского университета Г. Паррот, приближенный Александром I после посещения университета в мае 1802 г. Паррот стремился посредством переписки и личных встреч с императором добиться максимально свободного академического режима и привилегий для ученого сословия, объективно отражая запросы не только скромной профессорской корпорации Дерпта, но и всех стремящихся на университетские кафедры. В Комиссию училищ при МНП вошли сотрудники екатерининской Училищной комиссии Ф. И. Янкович де Мириево, тот же Завадовский, а также «советники советников», например, близкий к Н. Н. Новосильцову писатель и переводчик И. И. Мартынов, который был вскоре назначен директором Департамента народного просвещения. Одновременно Мартынов был конференц-секретарем Петербургского Педагогического института и преподавал в нем эстетику. Постоянными участниками заседаний Комиссии об училищах оставались М. Н. Муравьев, Ф. И. Клингер и В. Н. Каразин. Лагарп, прибывший в Россию по просьбе Александра в августе 1801 г., непосредственно в заседаниях Комиссии училищ не участвовал, как и в заседаниях Негласного комитета, но его советы и влияние на императора нельзя недооценивать.

⁹ Об этом этапе разработки реформы см.: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 366–371. — Автор считает, что именно этот комитет за короткий период работы во многом определил модель образовательной реформы.

Какую роль в разработке проектов учреждения и внутреннего устройства университетов, создания системы учебных округов, гимназий, начальных школ — могли сыграть «молодые друзья»? Некоторые исследователи считают, что их вклад в разработку принципов реформы был довольно скромным¹⁰. Ни у кого из «молодых друзей» к этому времени не было практического административного опыта в этом направлении, однако у всех (кроме самого Александра) был *личный опыт* знакомства с устройством учебных заведений Европы: Англии, Швейцарии, Франции. Чарторыйский хорошо представлял суть образовательных реформ в Речи Посполитой в годы деятельности Эдукационной комиссии. Калькой с нее, собственно, и стала Комиссия училищ, работавшая в 1802–1803 гг., и ее преемник — Главное правление училищ. Тем не менее некоторые рекомендации молодых друзей противоречили принятым принципам реформирования и были проигнорированы. Так, П. А. Строганов, беря в пример систему образования Франции, предлагал создать систему высших и средних профессиональных школ, четко отделенных от общеобразовательных. Университетам в этой системе не было места¹¹. Сходно с ним мыслил в то время Чарторыйский¹².

Рекомендации Лагарпа, изложенные в упомянутой записке, ориентировали реформаторов на длительную практическую работу, поэтому столь важное значение получал вопрос о механизмах реализации просветительских планов. Разбирая вопрос о месте Министерства народного просвещения в системе других министерств, определении его компетенции и задач, необходимо рассматривать его в рамках проектов «соединенного министерства». Наиболее активное участие в разработке министерской реформы принял Н. Н. Новосильцов. Поэтому нельзя недооценивать его влияние и на окончательное определение структуры и компетенции Министерства народного просвещения.

Разработкой министерской реформы Негласный комитет занимался с 10 февраля 1802 г. на 9 заседаниях¹³. Основные принципы в формировании «сетки» министерств были определены после обсуждения в Негласном комитете 11 апреля 1802 г. проекта графа Л. К. Платера, внесенного Новосильцовым. В нем предлагалось не 8, а 9 министерств¹⁴. Затем члены Негласного комитета обсудили проект Лагарпа, об устройстве Министерства народного просвещения и проект генерала Ф. И. Клингера, об устройстве народных училищ. После кратких прений, реализация этих проектов была отложена до учреждения министерств.

«Добавочным» к известной схеме было предложенное Новосильцовым «министерство всех вер и религий». Следующее и последнее заседание Негласного комитета, на котором обсуждалась реформа министерств, состоялось 22 апреля.

Компетенция, задачи, структура и порядок подчинения учебных заведений внутри МНП были согласованы с Александром I. В вопросе о границах университетской автономии, закрепленных в университетских уставах 1804 г., император это время, очевидно, подпал под влияние Г. Ф. Паррота, с которым обсуждал изданные

---

¹⁰ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 360.

¹¹ Протоколы Негласного комитета // Граф П. А. Строганов и его время. СПб., 1903. Т. 2. С. 144–148.

¹² Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 33–34.

¹³ Подробнее хронику заседаний см. в статье М. А. Приходько, опубликованной в настоящем сборнике (с. 125–126).

¹⁴ Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 206.

раньше учредительные документы Дерптского университета. Благодаря же влиянию Чарторыйского и польско-австрийского опыта администрирования система училищ приобрела иерархическую организацию. Таким образом, университеты в России наделялись предельно широкой автономией во внутренних делах, но рассматривались не как самостоятельные очаги просвещения и науки, а как центры управления учебными округами, коллективные кураторы и опекуны училищ всех уровней в пределах своего округа и в таком положении существовали до 1835 г.

Доработка текста проекта образования министерств проходила с апреля по август 1802 г. с перерывом более чем в месяц, связанным с отъездом Александра I в Мемель на встречу с прусским королем (император отсутствовал с 20 мая по 22 июня). В поездке его сопровождал Н. Н. Новосильцов, вероятно, в дороге продолжая работу над текстом учреждения министерств. Заметим, что по возвращении Александра серьезных обсуждений содержания проекта уже не было, поэтому можно предположить, что Новосильцов был последним, кто вносил редакционные изменения в его текст.

Опуская содержание дискуссий о номенклатуре министерств, характере регламентации их деятельности, ответственности министров, остановимся только на части проекта — положении о Министерстве народного просвещения, особого ведомства, которое до той поры в России было «в полном забросе»¹⁵. Окончательный вид этой части проекта был придан Н. Н. Новосильцевым. Об этом свидетельствуют редакции проекта с его правкой, обнаруженные среди бумаг Новосильцова¹⁶. Глава документа, посвященная Министерству народного просвещения, имеет здесь три редакции. Правка Новосильцова носит уточняющий характер и является окончательной, поскольку внесенные им поправки вошли в итоговый текст, опубликованный в Полном собрании законов. Например, во второй редакции документа первоначально сказано: «Министерство воспитания юношества, народного просвещения и распространения наук и художеств [исправлено: *министерство просвещения, воспитания юношества и распространения наук и художеств*]... возлагаем мы на...» Далее предложенные в предыдущей редакции фамилии Строганова и Чарторыйского, густо зачеркнуты и поставлено просто “*NN*”). В сферу компетенции министерства к перечисленному рукой Новосильцова добавлено: «*музеи, ... собрания редкостей, исключая натуральные кабинеты*»¹⁷.

Важно обратить внимание на название нового учреждения. Министерство народного просвещения — это буквальный перевод французского *Ministère de l'Éducation Nationale*. Этимология французского «*l'Éducation*» подразумевает не только образование, но и воспитание также. В. Н. Каразин, правитель дел Комиссии об училищах, в своих мемуарах писал, что это было «отдельное министерство народного *воспитания*, которое нигде в Европе не существовало»¹⁸. Слова Каразина — не оговорка. Под «просвещением» согласно семантике начала XIX в. подразумевалось «просвещение ума и сердца», то есть и нравственное воспитание. Направленность деятельности министерства, определенная его названием, — это не только формирование интеллектуальной элиты, но изменение

¹⁵ Чарторыйский А. Мемуары... С. 219.

¹⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 1186. «Образование министерств». Черновик проекта, без заглавия, текст на бумаге с водяными знаками 1794 г. Л. 1–16 (первая редакция); 17–28 (вторая редакция).

¹⁷ Там же. Л. 27–28 об.

¹⁸ Чтения в Обществе Истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. Отд. 5. С. 203.

умственного и нравственного состояния народа в целом, модернизация общества. Широкие претензии на духовное руководство обществом и попечение о народной нравственности отражаются, кстати, и в упомянутом предложении Новосильцова учредить «министерство всех вер и религий», и в соединении на целых семь лет (1817–1825) этих сфер администрирования в «соединенном» Министерстве духовных дел и народного просвещения при А. Н. Голицыне.

Кто внес утвержденное в 1802 г. название министерства — остается до конца неясным, вполне возможно, это и был Каразин. Не случайно его доклад об учреждении Харьковского университета, представленный и обсуждавшийся в Комиссии училищ через 1,5 месяца после учреждения министерств, назывался «Предначертавания устава об общественном воспитании».

Дискуссионным является также вопрос об авторстве и месте обсуждения «Предварительных правил народного просвещения», документа, излагавшего основные принципы реформы, который был утвержден после прекращения заседаний Комиссии об училищах, но до начала работы Главного правления училищ. Именно в этом законодательном акте было впервые названо местоположение университетов, которые еще предстояло создать, определена их цель и статус, а также обязанности и функции попечителей учебных округов, представлена иерархия подчиненных университетам училищ. А. Ю. Андреев подчеркивает особую роль профессора Паррота, встречавшегося с Александром в перерыве между заседаниями двух комиссий в октябре-ноябре 1802 г. и настоявшем на расширении прав профессорской корпорации по образцу немецких университетов, что было закреплено в уставе Дерптского университета и перенесено затем в уставы остальных¹⁹. Более правомерно, на наш взгляд, было бы говорить о множественных влияниях, которые аккумулировались в Негласном комитете.

В бумагах Н. Н. Новосильцова сохранилась редакция «Предварительных правил...», представленная Н. Я. Озерецковским, с правкой Новосильцова. Анализ текста позволяет судить, что правка Новосильцова на этот раз была не окончательной, а промежуточной, однако это говорит о его самостоятельной роли в обсуждении данного законодательного акта. Так, в правленной им редакции «Предварительных правил» сказано: «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени, ныне назначается их шесть, а именно кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте, учредятся без замедления в *Новгороде*, Казани и Харькове во уважение патриотического приношения, предложенного дворянством и гражданством сей губернии. Затем предназначаются для университетов города *Киев*, *Тобольск*, *Устюг Великий* и др. по мере способов, какие найдены будут к тому удобными»²⁰. В окончательной редакции «Предварительных правил» снято упоминание Новгорода как будущего университетского города, но сказано: «...кроме существующих в Москве, Вильне и Дерпте учреждаются в *округе С.-Петербургском*»²¹. То есть окончательный выбор между Петербургом и Новгородом для основания университета в столичном учебном округе на тот момент еще не был сделан, и эти колебания отразили противоречивую позицию Новосильцова в отношении «имеющего учредиться» под его попечительством университета.

¹⁹ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 380–388.

²⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115: Коллекция рукописных книг. Д. 1186. Л. 86–86.

²¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стлб. 14–15.

В то же время Н. Н. Новосильцов вычеркнул параграф 22 первой редакции «Предварительных правил», который аргументирует принцип сословности и профессиональности в образовании, воскрешенный впоследствии А. С. Шишковым и С. С. Уваровым: «Главное училищ правление в общих трудах своих должно иметь предметом распространение в империи всякого рода знаний, соответственно духу времени, местным потребностям и выгодам каждой части народа, и в особенности, соединение оных самым теснейшим союзом с религиею и благонравием²². Этот пассаж не вошел в окончательный текст документа.

Собственный проект организации учебных заведений представлял в Комиссии училищ А. Чарторыйский. Ему же на 4-м заседании Комиссии было поручено заняться всем, что касается до университета Виленского, включая регламентацию его имущественных прав. Журналы Главного правления училищ 1803 г. отражают активную роль А. Чарторыйского в обсуждении устава Виленского университета и других вопросов, касающихся Виленского учебного округа. В еженедельных заседаниях Комиссии училищ и Главного правления училищ присутствовавшие на них члены Негласного комитета не раз выступали по тому или иному вопросу. Об этом говорят сохранившиеся подробные журналы заседаний. И хотя в обсуждении устава 1804 г. для Московского, Казанского и Харьковского университетов, предложенного Главному правлению училищ в готовом виде, они не участвовали, однако структура факультетов, закрепленная в этом уставе, была заимствована все же не из Германии, а из Франции, функции же кураторства университетов над подчиненными им учебными заведениями — из Польши и Австрии²³. Это могло быть следствием влияния «триумvirата», члены которого, как было отмечено выше, не являлись сторонниками немецкой системы классификации наук. Их влияние корректировало идеи Г. Паррота, сторонника перенесения в Россию немецкой системы обучения в чистом виде.

Представляется, что роль «молодых друзей» в определении стратегии реформ в сфере просвещения еще недооценена. Об их авторитете говорит само распределение в 1802 г. «портфелей» — министра, товарища министра, попечителей округов. Первоначально министром народного просвещения предполагалось сделать П. А. Строганова. В ранней редакции упомянутого проекта манифеста «Образование министерств» сказано: «Министерство воспитания юношества, народного просвещения, распространения наук и художеств возлагаем мы на нашего действительного тайного советника и сенатора графа *Строганова*, которому в пособие назначаем тайного советника князя Ад[ама] Чарторыйского, повелевая первому именоваться министром сего отделения, а второму вице-министром»²⁴. Фамилия П. В. Завадовского в качестве будущего министра возникает только в третьей редакции этого документа — на отдельном листе, вложенном в текст проекта учреждения министерств. На этом листе рукой Новосильцова, карандашом, составлена роспись лиц, которым надлежало занять должности министров и их товарищей. Фамилии министра просвещения и его заместителя зачеркивались несколько раз, а затем снова вписывались, как если бы эти пометы делались в ходе острой дискуссии²⁵. Это обсуждение, судя по всему, происходило в конце августа

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 89.

²³ *Андреев А. Ю.* Российские университеты... С. 405.

²⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 4 об., 28–28 об.

²⁵ Там же. Л. 15 об.–16 (карандашом).

1802 г., а 8 сентября Завадовский был утвержден министром. Товарищем министра, в конце концов, был назначен М. Н. Муравьев, а «молодые друзья» пожелали остаться на вторых ролях в деле управления просвещением. Но, несомненно, последующие обсуждения первоочередных шагов по организации университетов и всей школьной системы в Главном правлении училищ и вне этого учреждения проходили при их активном участии.

1 декабря 1802 г. П. В. Завадовским был представлен всеподданнейший доклад, очевидно, бывший результатом согласования в Комиссии училищ очередности открытия и статуса учебных заведений в разных городах. Доклад Завадовского предлагает заведение училищ «по частям», то есть постепенно, исходя не из абстрактных схем, а из существующих условий. Министр пишет, в частности: «Всего предполагаемого в оном (плане. — Т. Ж.) вдруг двинуть невозможно. <...> Недостает у нас первых орудий для предмета колько полезного, толико и пространныго, то есть учителей, коих великое число потребно». Для достижения поставленной цели прежде всего предлагается: «1. взять из гимназии Московского университета, Казанской, Харьковской и из духовных семинарий сто человек студентов и образовывать оных здесь для учительской должности под смотрением Комиссии народных училищ по примеру того, как сие делали в царствование императрицы Екатерины II пред открытием народных училищ». Министр просил императора изъяснить свою окончательную волю, «в котором месте из представляемых быть вновь университету, дабы от сего времени обратить приуготовления к тому». При этом Завадовский прилагает к докладу известное мнение С. О. Потоцкого «о неудобствах к основанию университета в С.-Петербурге, полагаемого в общем плане». Редакция доклада Завадовского, как и копия «мнения» Потоцкого сохранилась в той же коллекции бумаг Новосильцова, и это не случайно²⁶. Его собственная позиция как попечителя столичного учебного округа в отношении «неудобств» открытия в Петербурге университета, совпадающая с основной мыслью доклада министра, здесь очень важна. На наш взгляд, она в значительной степени определила тот факт, что за учреждением в Петербурге Педагогического института не последовало его превращения в полноценный университет. Наоборот, в 1811–1816 гг. он последовательно трансформируется в высшую педагогическую школу, сочетающую черты общероссийского центра подготовки учителей и «профессорского института».

Н. Н. Новосильцов и П. А. Строганов, замещавший его на время заграничной миссии (1804–1806) на посту попечителя, считали Педагогический институт, основанный в Петербурге лишь как отделение будущего университета, более полезным в собственном статусе. И, главное, более удобным в управлении, поскольку он подчинялся непосредственно попечителю и был лишен той степени автономии, которая была дарована университетам. Следующий шаг «в сторону от университета» был сделан в 1811 г., когда министром народного просвещения А. К. Разумовским был представлен проект реорганизации существующего в Петербурге Педагогического института в «заведение учительское для всей империи под именем Государственного учительского института, который мог бы поставлять не только учителей для гимназий и других низших училищ, но и для российских университетов профессоров, дабы со временем не иметь надобности приглашать профессоров иностранных, столь дорого казне стоящих, но иногда неважную

---

²⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 109–112.

пользу приносящих»²⁷. Этот проект был в основных чертах воплощен в созданном в 1816 г. Главном педагогическом институте, однако новый попечитель столичного округа С. С. Уваров постарался приблизить его к уровню университета по многим позициям: по числу кафедр и подразделений, штату профессоров, по целям обучения в высшем разряде, наконец, по все более расширяющейся публичной деятельности (частные и публичные курсы, лицензирование ищущих учительских должностей, организация почти непрерывных «экзаменов на чин», открытые для публики институтские торжества).

В 1804 г. энтузиазм Новосильцова и Строганова в отношении возможности тотального «просвещения и воспитания» юношества в дух идей нового века и покрытия России в 2–3 года сетью университетов, начал остывать. «Молодые друзья» были к тому времени уравновешены в Главном правлении училищ когортой опытных практиков из екатерининской училищной комиссии и новыми лицами (П. В. Завадовский, Ф. И. Янкович де Мириево, академики Озерецковский и Фус, М. Н. Муравьев, С. О. Потоцкий, С. Я. Румовский, Ф. И. Клингер, сенатор П. С. Свистунов, ген-майор Хитров). Комиссия в целом приняла тактику «постепенности и основательности».

Организация МНП существенно отличала его от других министерств. На практике само МНП со своей канцелярией и Департаментом выглядели чисто бюрократической «надстройкой» над системой администрирования училищ через попечителей и университеты. Министром был назначен престарелый П. В. Завадовский, главным образом, лишь представлявший в своем докладе императору те или иные документы, подготовленные его советниками. Все нововведения (редакция «Предварительных правил народного просвещения», учреждение тех или иных университетов и гимназий, написание уставов университетов) проходили многократное обсуждение в Комиссии училищ, с 1803 г. — в Главном правлении училищ.

Главное правление училищ действовало более стабильно, чем его предшественники. Его еженедельные заседания, происходившие в доме министра, можно назвать серьезным «интеллектуальным штабом» при декоративном министре. Именно в Главном правлении училищ в течение 1803–1804 гг. происходило обстоятельное обсуждение уставов и штатов университетов, сначала Дерптского и Виленского, а потом общего устава 1804 г. для университетов Московского, Харьковского и Казанского. На каждом заседании обсуждались текущие дела: о постройке зданий, посылке за границу желающих там обучаться, приглашении иностранных ученых, написании дисциплинарных правил для студентов, приобретении коллекций для учебных заведений, издании разных сочинений и т. д.²⁸. Из членов Негласного комитета активно участвовали в деятельности ГПУ А. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев, а во время отсутствия последнего замещавший его на должности попечителя Петербургского учебного округа П. А. Строганов.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 102: О преобразовании Педагогического Института и переименовании его в Главный педагогический институт. Л. 3–4.

²⁸ См.: РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1: Описание журнала Главного училищ правления за 1803 г. от 25 января по 4 июля; Ф. 732. Оп. 1. Д. 77: Журнал входящих бумаг. Январь–октябрь 1804; Ф. 732. Оп. 1. Д. 114: О распоряжениях попечителей учебных округов по устройству учебных заведений вверенных им округов. К сожалению, А. Ю. Андреев к этим архивным делам не обращался, поэтому его выводы о персональном участии разных лиц в обсуждении университетских уставов на его завершающем этапе требуют корректировки. См.: *Андреев А. Ю. Российские университеты...* С. 379–407.

Таким образом, представления «молодых друзей» и самого Александра I о путях реформы народного просвещения органично соединились с интернациональным опытом администрирования в этой сфере, накопленном в последней трети XVIII в. Практическая деятельность Новосильцова, Чарторыйского и Строганова в качестве попечителей учебных округов соответствовала обсуждавшимся в Негласном комитете и зафиксированным позже в нормативных актах принципам распространения образования и наук.

Министерство народного просвещения благодаря наличию в его структуре Главного правления училищ, а позже Училищного комитета, в отличие от других министерств, сохраняло на протяжении 20 лет черты коллегиальности в обсуждении и принятии решений. В состав Главного правления училищ входили просвещенные сановники: все попечители учебных округов, члены Академии наук, церковные иерархи. На заседания приглашались и посторонние, в том числе иностранные наблюдатели. Это учреждение надолго стало единственным открытым и «коллегиальным» органом в составе не только самого МНП, но и всей системы министерств. Кроме того МНП соединяло территориальный принцип управления (по округам) с ведомственным, а передача в ведение университетских советов управления всеми училищами на территории подведомственных округов наделяло всю училищную систему чертами некоторой независимости от прямого административного вмешательства. Министерство (по крайней мере, до 1835 г.) могло опосредованно влиять на количество и расположение училищ, внедрение учебных пособий и программ, назначение педагогов, но не могло навязывать свое решение, за исключением вопроса о персональных назначениях попечителей округов, членов самого ГПУ и, до некоторой степени, глав губернских училищных дирекций. Право представления по основным вопросам, включая финансовые и кадровые, оставалось за попечителями округов, которые действовали от лица университетских советов, предлагая подготовленные ими решения.

Список источников литературы

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115: Коллекция рукописных книг. Д. 1186.

Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Риссорджименто. М., 1959. 827 с.

Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары: 1814–1815. СПб., 2001. 400 с.

Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов и его время. Т. 1. СПб., 1903.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 102: О преобразовании Педагогического Института и переименовании его в Главный педагогический институт. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1: Опись журналам Главного училищ правления за 1803 г. от 25 января по 4 июля. Ф. 732. Оп. 1. Д. 77: Журнал входящих бумаг. Январь–октябрь 1804. Ф. 732. Оп. 1. Д. 114: О распоряжениях попечителей учебных округов по устройству учебных заведений вверенных им округов.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. 249 с.

Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864.

Чарторыйский А. Мемуары. М., 1998. 303 с.